

ПИОНЕРЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Наталья
Петрова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Наталья Георгиевна Петрова
Пионеры Русской Америки
Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67612166

Пионеры Русской Америки:

ISBN 978-5-235-04612-2

Аннотация

В 2021 году исполняется 280 лет с той поры, когда русская экспедиция под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова положила начало освоению Аляски, которая до 1867 года носила название Русской Америки. В этой книге представлено шесть биографических очерков о тех, кто оставил значительный след в истории этого региона: «Росского Колумба» Григория Шелихова, первого правителя русских колоний Александра Баранова, основателя поселения Росс в Калифорнии Ивана Кускова, автора проекта присоединения Калифорнии к России Дмитрия Завалишина, «апостола Аляски и Сибири» святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователя и путешественника Лаврентия Загоскина. Разные причины и обстоятельства привели их на край света, но всех их можно смело называть подвижниками и созидателями Русской Америки.

Содержание

Предисловие	5
Григорий Шелихов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Наталья Петрова

Пионеры Русской Америки

© Петрова Н. Г., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

Предисловие

В 2021 году исполняется 280 лет с той поры, когда русская экспедиция под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова достигла северо-западного побережья Америки и положила начало освоению Аляски, островов Алеутской гряды и Калифорнии. Исследование «неизвестных» земель в северной части Тихого, или, как его называли тогда, Великого океана стоило жизни многим первооткрывателям, однако стремление превратить Россию из континентальной в океанскую державу побуждало одних наших соотечественников снаряжать экспедиции, а других, несмотря на все опасности и лишения, участвовать в них.

Осваивали далекую Америку промышленники и купцы, моряки и ученые, миссионеры Русской православной церкви. В этой книге представлено шесть биографических очерков первопроходцев, оставивших значительный след в истории Русской Америки: «Росского Колумба» Григория Шелихова, первого правителя русских колоний Александра Баранова, основателя селения Росс в Калифорнии Ивана Кукова, участника кругосветной экспедиции и автора проекта присоединения Калифорнии к России Дмитрия Завалишина, «апостола Аляски и Сибири» святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователя и путешественника Лаврентия Загоскина. Разные причины и обстоятельства привели

их на край света, судьбы и вклад в освоение новых территорий тоже не были похожи. Но всех можно смело называть пионерами освоения Русской Америки.

Григорий Шелихов «Колумб Российский»

Из Рыльска в Сибирь

Взгляды современников на Григория Ивановича Шелихова редко совпадали, как и оценка его деятельности историками. Неизменным оставалось одно – о нем всегда говорили либо с восторгом, либо с презрением. Так, Гаврила Державин именовал его «Колумбом Росским», Александр Радищев – «царьком»; долго живший в Русской Америке Кирилл Хлебников¹ называл труд Шелихова «великим делом» во славу Отечества, а мореплаватель Василий Головнин заклеил его «проныром». Американский историк XIX века Генри Бэнкрофт видел в нем «отца и основателя» русских колоний в Америке, а другой исследователь Ричард Пирс считал «русским Кортесом», результаты деятельности которого неоправданно преувеличены. Каких только похвал и проклятий не заслужил Шелихов при жизни и после смерти!

¹ Кирилл Тимофеевич Хлебников (1784–1838) – ученый, путешественник, писатель. Родился в Кунгуре, с 1801 года служил в Российско-американской компании, с 1835 года был одним из ее директоров. Автор первых научных работ о Русской Америке и неопубликованных мемуарных «Записок», член-корреспондент Императорской Академии наук.

Однако крайность оценок не смогла заслонить того главного, что сделал этот незаурядный человек: он стал первым, кто на деле задал государственный тон и придал государственный размах освоению новых земель в Америке, не потеряв при этом собственной выгоды.

На рубеже 1990-х годов, когда Советский Союз еще не стал достоянием истории, а новое издание капитализма не вышло в свет, о Шелихове писали по инерции как о беспринципном авантюристе, идущем напролом ради личного обогащения. Но прошло три десятка лет, наступила иная эпоха, и сегодня Шелихова можно смело назвать образцом успешного предпринимателя, с коего можно и нужно брать пример начинающим бизнесменам – а начинающие бизнесвумен вполне могли бы подражать супруге Шелихова Наталье Алексеевне.

О жизни Шелихова до его приезда в Сибирь известно мало, в начальном этапе его биографии больше загадок, чем ответов на них. Взять хотя бы его рождение: до сих пор неизвестны ни число, ни месяц, ни год; биографы называют и 1747-й, и 1748-й, и 1749-й, а иногда даже 1730-й. Согласно надписи на памятнике, поставленном его родней в Знаменском монастыре Иркутска, родился он в 1748 году. Приходился внуком мещанину города Рыльска Афанасию Тимофеевичу Шелихову, торговавшему краской, скипидаром, клеем и другим, как говорили в те годы, москательным товаром. Мелочная торговля обогатить не могла, потому «горо-

да Рыльска гостиной сотни Афонасий Тимофеев сын Шелихов» держал еще и пасеку на паях с родственниками, а также мельницу и скотный двор в деревне; словом, дед Григория был человек предприимчивый.

Жил он в приходе храма Вознесения, до наших дней не сохранившегося. Ныне существующая церковь во имя праздника Вознесения Господня появилась гораздо позже, в XIX веке, но к семье Шелиховых имеет непосредственное отношение – как записано в церковных ведомостях, она была воздвигнута не только на средства местных купцов и пожертвования благотворителей, но также «на проценты со вклада коммерции советника Григория Ивановича Шелихова». Интересно, что один из храмовых престолов, располагавшийся в отдельном теплом здании, был освящен во имя вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, что, конечно же, не случайно: судно, на котором Григорий Шелихов совершил плавание к берегам Америки, называлось «Три святителя», а Григорий Богослов был его небесным покровителем.

Торговля была делом семейным и наследственным, занимались ею и сыновья Афанасия. Старший, Иван (отец нашего героя), даже записался в «торговое сословие» – по тогдашним законам для этого требовался капитал не менее 500 рублей. Однако купечество в России, в отличие от Западной Европы, не было замкнутой корпорацией со строгими правилами и запретами, принадлежность к нему не передавалась по

наследству и даже не была пожизненной. Если купец разорялся, то был вынужден выписаться из «торгового сословия» и вновь называться мещанином или крестьянином, что, видимо, и произошло с Иваном Шелиховым.

Михаил Матвеевич Булдаков, будущий зять и компаньон Григория Шелихова, рассказывал, что Иван Афанасьевич женился на дворянке, рыльской помещице Агриппине (Аграфене) Ивановне Бырдиной. Брак купца и дворянки по меркам XVIII века был хотя и мезальянсом, но всё же явлением далеко не исключительным. Случалось, мелкопоместные или разорившиеся представители благородного сословия поправляли свои денежные дела путем заключения союза, выгодного для обеих сторон. Если принять версию Булдакова, то Григорий, сын купца и дворянки, должен был чувствовать себя в купеческой среде на голову выше остальных. Позже и сам он выдаст свою старшую дочь Анну за дворянина Николая Петровича Резанова². А после кончины Шелихова Екатерина II дарует его жене и детям права потомственного дворянства.

Как гласит надпись на надгробном памятнике Шелихову

² *Николай Петрович Резанов* (1764–1807) – путешественник и дипломат. Сын бедного чиновника, служил при дворе Екатерины II, вместе со своим тестем Шелиховым стоял у истоков Российско-американской компании. Участвовал в первом русском кругосветном путешествии Крузенштерна и Лисянского, в 1805 году отправлен с инспекцией на Аляску, откуда отбыл в Калифорнию с судами «Юнона» и «Авось». Возвращаясь с отчетом в Петербург, умер в Красноярске от горячки.

в Иркутске, с 1773 года он жил в Сибири. Причина его переезда – еще одна загадка. Что заставило Григория Ивановича покинуть родные места и отправиться на край света? Один из первых его биографов К. Т. Хлебников ничего не говорит об этом, а другие исследователи высказывают самые разные предположения: разорение отца; боязнь быть отданным в солдаты и связанное с ней желание скрыться из города; эпидемия чумы, унесшая жизни его матери и брата. Все эти факторы вполне могли подтолкнуть Григория к отъезду, но ни один из них не объясняет, почему он уехал именно в далекую Сибирь.

Конечно, продажа москательного товара – дело спокойное и вполне предсказуемое: день за днем жизнь течет в рутине мелких сделок. Иное дело торговля за морем: там и преодоление расстояний, и риск, и борьба с конкурентами. Здесь нужен характер особый, авантюрный. Недаром в Европе и Северной Америке людей, ведущих крупную торговлю по всему миру, вполне официально называли «купцы-авантюристы».

Иркутский генерал-губернатор писал в 1794 году, что Шелихов уже 22 года занимается «морскими купеческими делами». Значит, отсчет его сибирской жизни действительно нужно начинать с 1772 или 1773 года.

Морской пушной промысел

Огромные, сказочные прибыли приносила в те годы заморская и заокеанская торговля. Французская Вест-Индская компания, перевозившая табак из Америки во Францию, имели барыш от 150 до 500 процентов. Но, как говорится, за морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Чтобы доставить меха, сандаловое дерево или табак из колоний, нужно было зафрахтовать корабли, нанять людей, закупить продовольствие и товары для обмена с туземцами. Вездесущие голландские, английские и французские купцы уже при открытии Нового Света подсчитали: морская торговля только тогда возвращала вложенные в нее средства, когда начальная стоимость товара возрастала не менее чем впятеро. Как писал из Гоа один голландский путешественник и «немного шпион», «я весьма был склонен совершить путешествие в Китай или Японию, каковые отстоят отсюда на то же расстояние, что и Португалия, т. е. тот, кто туда отправится, пребывает в пути три года. Ежели бы только у меня было две-три сотни дукатов, их легко было бы превратить в 600 или 700. Но затевать такое дело с пустыми руками почитаю я за безумие. Следует начать сносным образом, дабы иметь прибыль».

Шелихов в разговорах со своим будущим зятем Н. П. Резановым вспоминал времена, когда морской пушной про-

мысел только начинал притягивать взоры купцов. «Возвращение судов сих (участвовавших в экспедиции Беринга – Чирикова в 1740–1741 годах. – *Н. П.*) с верными известиями об обилии звериных промыслов в местах, ими отысканных, родило в сибирских звероловах охоту к мореплаванию», – писал Резанов, «чрезвычайный посланник ко двору японскому». Купцы нанимали мастеровых, которые сооружали небольшие одномачтовые плоскодонные суда, крепили – «шили» – их китовым усом (отсюда, возможно, и название «шитик»), наращивали досками борта, мастерили палубу. Управляли шитиками сначала казаки, побывавшие в экспедициях с флотскими офицерами, потом и сами промысловики, кто посмелее. Компас да хорошая память – вот и всё, на что полагались мореходы-самоучки. Когда голландцы и англичане увидели эти наспех сколоченные посудины, они были потрясены смелостью русских, рисковавших выходить на них в океан. Но те и в океан выходили, и необходимый опыт приобретали, и новые земли открывали.

«Приобретение корысти привлекло наконец в Сибирь множество людей и из середины России, – вспоминал Резанов свои разговоры с Шелиховым. – Города Якутск и Охотск наполнялись предприимчивым купечеством, и слух чрез возвратившихся промышленников... возбудил в поселянах северных губерний охоту вступать в морские промыслы, невзирая на трудности и опасности...» «Промышленниками» или «промышленными» называли тогда охотников,

вольных крестьян или уходивших на заработки крепостных-отходников – тех, кто промыслял охотой на пушного зверя. Их-то и нанимали предприимчивые купцы для дальних плаваний.

Известия о баснословных барышах, которые приносил «морской пушной промысел» в Америке, влекли купцов из Вологды, Тотьмы, Каргополя, Устюга, городов Черноземья и Центральной России в Сибирь и далее, в «земли незнаемые». Самой прибыльной была торговля шкурками калана или, как называли его тогда, морского бобра.

Калан – животное необычное. Впервые его внешний вид и повадки описал немецкий натуралист Георг Вильгельм Стеллер, участник камчатской экспедиции Беринга. Само слово «калан», вероятно, пришло в русский язык из корякского – местные охотники именовали зверя «калагой». Англичане называли его «sea otter» – «морская выдра», русские промысловики – «морской бобр», различая новорожденных «медведок» и годовалых «кошляков». Самки калана вынашивают детенышей около семи месяцев, рожают одного, редко двух, очень долго их кормят и опекают. Большую часть времени животные проводят в воде – они быстро плавают и глубоко ныряют за рыбой, креветками, кальмарами и морскими ежами. На ходу есть не любят – собирают свою добычу в особые карманы под лапами, а затем ложатся на спину в спокойном месте, на мелководье, достают из кармана добытое и поедают. Ночью и во время штормов они стараются

оказаться близ берега. Поймать калана в воде непросто – это хорошо умели делать только туземцы, – но на берегу его слух и обоняние не так остры.

Каланы очень дружелюбны и спокойны; расположившись группами на берегу, они доверчиво встречали первых людей. Почуввав опасность, они ползут к воде, здесь-то самки и становятся легкой добычей охотников: они не ныряют, бросив детенышей, а подталкивают их к воде и в итоге погибают вместе с ними.

Калан не линяет, он тщательно ухаживает за своим чрезвычайно плотным и теплым мехом с густым подшерстком, согревающим в холода, поскольку подкожного жира у животного нет. Из-за своего красивого и ноского меха калан и стал главным объектом охоты на Тихом океане.

Во второй половине XVIII века северная часть Тихого океана и западное побережье Северной Америки, где велся морской пушной промысел, превратились в объект соперничества не только русских, но и иностранных купцов – из Британии, Франции, Испании, а затем и США. Конкуренция обострилась, когда стало известно об экспедициях Степана Глотова и Савина Пономарева (1758–1762), открывших Уналашку – крупнейший остров Алеутского архипелага – и гряды Лисьих островов. Вслед за ними Петр Креницын и Михаил Левашов обследовали острова Алеутской цепи (1768–1769), зимовали там и вели пушной промысел; по возвращении Левашов подробно описал и сами острова, и их жителей.

Именно эти известия стали побудительной причиной усилий по организации новых экспедиций, самыми знаменитыми из которых стали плаванья Джеймса Кука, Жана Франсуа Лаперуза, Джорджа Ванкувера.

Со времени первых промысловых экспедиций популяция морских млекопитающих, приносящих немногочисленное потомство, настолько уменьшилась, что у берегов Камчатки после 1750 года мореходы их уже не встречали. Каланы и морские котики, прежде не выдавшие людей и потому непугливые, теперь уходили всё дальше: от Камчатки к Курильским и Алеутским островам, а оттуда и к самой Америке. Вслед за ними шли промысловые экспедиции. В 1773 году за шкуру калана «1-й доброты», то есть лучшую, давали 60 рублей, лисица-сиводушка (со светлым, или «сивым», мехом на горле) стоила два рубля с полтиной, красная (так называли в Сибири рыжих) – полтора рубля, соболь лучшего качества – три рубля. Для сравнения: в эти годы учитель народного училища получал жалованье 150 рублей в год, что было равно стоимости шкур двух каланов и десяти соболей.

Земляки Шелихова – курские купцы Полевые, Дружинины, Овсянниковы, Логачевы – выменивали шкуры пушного зверя на Камчатке и Алеутских островах, отправляли промысловые отряды к берегам Америки, торговали мехами в Кяхте и, разбогатев, возвращались домой. Кто-то остался в тех краях навсегда: утонул во время шторма, замерз, был настигнут стрелой туземца. Курянин Иван Полевой умер от

цинги на Камчатке, Василий и Семен Полевые и Петр Дружинин погибли на Алеутских островах. Однако новые отряды промысловиков упорно плыли к американским берегам и не только разведывали места пушного промысла, но и открывали неизведанные прежде земли. Потомок поморов Михайло Ломоносов предсказывал в поэме «Петр Великий»:

Колумбы Русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Вот и Шелихов, как будто предвидя свой короткий век, торопился жить, искал не одной выгоды – славы тоже. Потому и отправился буквально на край света, в построенный на берегу Великого океана порт Охотск – служить приказчиком у вологодского купца Матвея Оконишникова.

«Спешит и презирает рок»

Для многих героев нашей книги путь в историю начинался с дороги, которая вела от родного дома в новую, неизвестную жизнь. Что ожидало их там – разорение или богатство, позор или слава? Освоение Сибири и лежащих за нею земель требовало не только бесстрашных, авантюрных людей; нужны еще были и дороги. В тридцатые годы XVIII века начали прокладывать Большой Сибирский тракт, который завершат

лишь к середине следующего столетия. И тогда путь с запада на восток страны протянется длинной – более восьми тысяч верст – нитью от Москвы через Казань, Екатеринбург, Тобольск, Томск, Енисейск и далее до Иркутска и Верхнеудинска, а затем, подобно большой реке, разольется на два рукава: один побежит к Нерчинску, другой – на границу в Кяхту и далее вглубь Китая, получив по главному перевозимому товару название «Великий чайный путь». В середине XVIII века у Сибирского тракта появилось еще одно ответвление – через Омск и Красноярск.

А. П. Чехов называл Большой Сибирский тракт «самой безобразной дорогой во всем свете», «черной оспой», «рябой полосой земли» – так натерпелся он, пробираясь по его рытвинам и выбоинам на Сахалин. То ли весенняя распутица стала причиной столь резкого отзыва писателя о дороге, то ли к концу XIX века она оказалась основательно разбита и сильно уступала по комфорту железным дорогам Центральной России. Однако есть и другие, прямо противоположные оценки. Ф. Ф. Вигель, которому довелось в самом начале позапрошлого столетия путешествовать по Сибирскому тракту в Китай, остался вполне доволен вояжем: «Преспокойно проехал я взад и вперед, находя везде селения, просторные, чистые, теплые избы, в которых днем сытно ел, а ночью сладко спал». Наследник престола цесаревич Александр Николаевич в 1837 году в письме отцу-императору Николаю I отметил хорошее состояние дороги: «Точно шоссе, возят удиви-

тельно хорошо, мы на одних лошадях (то есть не меняя лошадей. – *Н. П.*) проскакали 27 верст».

Как долго ехали по тракту? Если нигде не останавливаться подолгу и не ночевать на станциях, можно было, как жена декабриста Мария Волконская, добраться от Москвы до Иркутска всего за 20 дней. За какое время одолел этот путь Шелихов, неизвестно, но ездил он по нему не раз – причем в обоих направлениях.

Сносное начало

«Купец что стрелец: попал, так с полем, а не попал, так заряд пропал!» – гласит поговорка. Шелихов встречал в Сибири и тех, кто «попал» и счастливо разбогател на продаже «морской пушнины», но знал и тех, кто «пропал» и доживал свой век в нищете. Иркутский купец Никифор Трапезников за 25 лет отправил десять судов на Алеутские острова, с которых только одного «морского бобра» вывезли более десяти тысяч шкур. Казалось, он ухватил удачу накрепко – но в последней экспедиции он потерял один за другим три корабля, затем несколько его должников разорились и не смогли вернуть деньги. В один год богатый купец стал нищим, и таких примеров было немало.

Но вот что удивительно: Шелихов в торговых делах ни разу не промахнулся, за что ни брался – всегда оказывался с прибылью. Что было тому причиной – его необыкновенное

чутье, напоминавшее звериный нюх, или стремление идти напролом там, где другие сворачивали, умение задобрить подарком нужного чиновника или просто удача – бог весть; но там, где падали другие, он сумел не оступиться.

Сначала он обосновался в Иркутске. К тому времени вологодский купец Матвей Оконишников и Прокопий Протодяконов из Якутска уже имели опыт снаряжения экспедиций для мехового промысла. В 1769 году они отправили из Охотска судно «Святой Прокопий», но вернулось оно лишь спустя четыре года с удивительно малым грузом, оцененным всего в 20 тысяч рублей. Огорченные результатом купцы в 1774 году снова решили попробовать – опять отправили «Святого Прокопия» на промысел. На этот раз груз был большой, мехов продали на 98 тысяч, но, видимо, вся выручка ушла на уплату долгов и покрытие издержек. Вероятно, Оконишников и Протодяконов больше не рискнули пытаться счастья в морском промысле, если их имена уже не встречаются в списке экспедиций.

Судя по тому, что Шелихов был отправлен Оконишниковым в Охотск и по его же поручению ездил в Кяхту, он-то и занимался снаряжением судов и продажей мехов. Казалось бы, неудача патрона должна была отвратить Шелихова от подобных операций, однако произошло обратное – он решил сам участвовать в морской торговле пушниной.

Одному фрахтовать судно было накладно и опасно – велик риск всё потерять, и потому купцы делали это в склад-

чину. Рассылали предложения о совместном найме в Якутск, Иркутск и Киренск, затем двое или трое купцов брали в долг – ссужать деньги торговцам мехами было очень прибыльно, – строили корабль или снаряжали уже отстроенный. Поскольку строили суда в Охотске, всё необходимое везли туда на лошадях из Якутска, за тысячу верст. Дороги от Якутска до Охотска не было (впрочем, ее нет и сейчас – в тех краях используют авиацию); обессиленные бездорожьем и тяжестью грузов лошади погибали, и приходилось нанимать новых. Чтобы сохранить лошадей, на каждую грузили не более пяти пудов; особо тяжелые вещи, например якоря, крепили в люльки между двумя лошадьми или разрубали на части, а затем сваривали в Охотске. Доставка обходилась очень дорого – подвода стоила от 45 до 55 рублей. Припасы и материалы тоже были недешевы: за пеньку платили по 20 рублей за пуд, за железо – по 25 рублей. На снаряжение одного судна, по самым скромным подсчетам, тратилось от 20 до 30 тысяч. Ситуация изменится только с созданием Российско-американской компании, на судах которой начнут доставлять грузы в Америку не «посуху» через Сибирь, а через Атлантику, огибая либо Южную Америку, либо Африку.

Перед отправлением экспедиции компаньоны составляли список паев – долей в промысле. Купить или продать пай, который действовал во время промысловой экспедиции, было сложно. Паи делились на валовые, суховые и данные на сходе. Валовые паи – их было большинство – делили между

собой хозяин (он брал из каждого пая половину) и промысловики, с которыми расплачивались, как правило, не деньгами, а мехами; после прибыльной экспедиции каждый ее участник получал мехов на две-три тысячи рублей. Могли составить договор, по которому весь товар целиком принадлежал хозяину, а промысловики получали от него оговоренную сумму. Первый вариант был выгоднее промысловикам, второй – хозяину. Существовал и третий вариант, когда пай промысловиков целиком принадлежали им – они назывались «данными на сходе». Были еще суховые пай, которые составляли незначительную часть от общего числа и принадлежали мореходу, шкиперу, передовщику-приказчику и священнику. Один пай неизменно шел на благотворительность – строительство или украшение храма и содержание церковного училища.

Компания купцов обычно создавалась на одно-два плавания, а затем распадалась, и судно, если возвращалось невредимым, отправлялось в следующую экспедицию или продавалось.

В 1776 году Шелихов в складчину с камчатским купцом Лукой Алиным построил в Нижнекамчатске судно «Святой Павел» и отправил его на Алеутские острова. В это же время с другим компаньоном, якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, он построил и снарядил в Охотске гукор (двухмачтовое грузовое судно) «Святой Николай», который под командой штурмана Михаила Петушкова пошел

к Курильским и Японским островам. Эта промысловая экспедиция принесла большие барыши: за десять месяцев были добыты или обменяны у туземцев шкуры 970 каланов, 135 лисиц и 195 голубых песцов. Петушков пытался завести торговлю и с жителями Японских островов, куда плавал на байдаре, но договориться не сумел, хотя меновую торговлю с японскими рыбаками вели еще участники Второй Камчатской экспедиции в 1738–1739 годах.

Ободренные первым успехом, Шелихов и Лебедев-Ласточкин в 1778 году вновь отправили «Святого Николая» на Курилы. Свободных капитанов на тот момент не нашлось, и купцы рискнули поручить судно передовщику – «сибирскому дворянину» Ивану Антипину. Поскольку он был «ненастоящий мореход», с ним послали штурманского ученика Федора Путинцева. Но то ли ученик оказался неопытен, то ли Антипин неудачлив, но в результате случившегося на одном из островов землетрясения судно село на мель. Снять его при тогдашних технических возможностях было непростой задачей, и Антипин, пересев на байдару, вернулся с небольшим грузом на Камчатку.

Эта неудача на время охладила интерес Шелихова к Курилам, и он решил вновь поучаствовать в промыслах на Алеутских островах. Шелихов снарядил судно «Варфоломей и Варнава» совместно с московским купцом Иваном Соловьевым и братьями Григорием и Петром Пановыми из Тотьмы. Вернулось оно в 1780 году с «небогатым гру-

зом», оцененным в 58 тысяч. По меркам пушного промысла это действительно немного – удачливые мореходы, проведя пару лет на Алеутских островах, привозили мехов на сотню тысяч рублей, а штурман Потап Зайков из экспедиции, снаряженной купцами Ореховым и Лапиным, доставил груз на 300 тысяч!

В том же году вернулся наконец снаряженный Шелиховым «Святой Павел»; выручка от продажи шкур каланов, голубых песцов и морских котиков составила 74 240 рублей – не так уж много. Но всё же результаты промысла на Алеутских островах выглядели лучше, чем на Курильских. Говоря словами того самого голландского «купца-шпиона», Шелихов имел вполне сносное начало.

Приказчик коронного поверенного

Но где же Шелихов взял первоначальный капитал? Это еще одна загадка его биографии. Чтобы простому приказчику накопить на строительство и снаряжение судна, понадобились бы долгие годы.

В это время в жизни Григория произошло важное событие – как гласит надпись на памятнике, в 1775 году он «вступил в супружество». О его супруге до замужества сведений еще меньше, чем о нем самом: неизвестны ни ее происхождение, ни фамилия в девичестве, ни возраст при вступлении в брак. В архивных записях Рыльска она зовется «Наталья

Алексеева дочь из Сибири». В алфавитной книге, составленной после 1786 года, о Григории Шелихове говорится, что он – сорокалетний глава семейства, у которого 26-летняя жена и три дочери: Анна девяти лет, Екатерина семи лет и пятилетняя Евдокия. Следовательно, разница в возрасте супругов составляла 14 лет. Если считать годом рождения Шелихова 1748-й, то в 1775 году 27-летний купец женился на тринадцатилетней девочке.

Эти нехитрые подсчеты позволяют сделать важный вывод: устоявшееся представление о Шелихове как о расчетливом приказчике, женившемся на богатой вдове, вряд ли имеет основание. Впрочем, юный – даже по тому времени – возраст невесты вовсе не исключал наличия у нее большого приданого, которое могло ощутимо пополнить первоначальный капитал рыльского купца. Но с той же вероятностью его тесть мог быть разорившимся купцом, который поспешил отдать дочь замуж в столь нежном возрасте.

Каково бы ни было ее происхождение, Наталья оказалась женщиной умной и решительной, была искренне предана супругу и стала ему первой помощницей во всех делах, сопровождала в поездках и путешествиях, даже в далекую Америку. Характером она была совершенно под стать Григорию и после его кончины приняла самое деятельное участие в управлении компанией: жестко отстаивала интересы своей семьи, гибко решала щепетильные вопросы, ладила с людьми самого разного круга и умела, когда необходимо, пу-

стить в ход женское обаяние.

Примерно в это время Шелихов начинает общее дело со своими земляками Голиковыми. Вот что рассказывает об этом Резанов: сначала Шелихов предложил всем купцам объединиться в одну компанию для промыслов в Америке, но те отказались; тогда «сей предприимчивый муж бросился во внутрь России, искал товарищества... но по неизвестности о его состоянии, не имев успеха, готов уже был один предаться исполнению лестных для него видов, как соуроженец его капитан Михайла Голиков... уговорил дядю своего курского купца Голикова... тогда питейные сборы содержавшего, уделить знатного его имущества некоторую часть на полезное сие пожертвование».

Иван Ларионович Голиков действительно в 1774 году получил винный откуп по Иркутской губернии и стал коронным поверенным, то есть доверенным лицом императрицы. Откупщик вносил в казну определенную сумму и заключал договор сроком на четыре года, в котором устанавливалась цена «пития» в кабаках: с 1771 по 1775 год она равнялась трем рублям за ведро³. Поскольку по закону продавцы водки – «хлебного вина» – не могли быть ее производителями, они ее закупали по установленной цене, в данном случае – 85 копеек за ведро. Таким образом, разница между закупочной и отпускной ценами составляла 2 рубля 15 копеек с каждо-

³ Ведро – дOMETрическая единица измерения объема жидкости, равная 12,3 литра.

го проданного ведра, которую откупщик был обязан сдавать казне. А в чем же была его прибыль?

В договоре записывали количество «пития», которое откупщик брался продать за год, а реализованное сверх того приносило ему доход. Если откупщику удавалось приобрести водку по более низкой цене, чем установило государство, разница тоже шла ему в карман. Эти два условия, очень привлекательные для откупщиков, не были единственным источником их барышей. Немалую прибыль приносила торговля «сопутствующими» товарами: пивом, «харчевой продажей», то есть закусками, медами собственной варки. Обязательства умершего откупщика, не выполнившего условия договора, переходили к его семье.

Водочная торговля была очень выгодна казне – к концу XVIII века отчисления от откупов составляли почти треть доходной части бюджета. Обогащала она и удачливых откупщиков. Однако в Восточной Сибири, где население было всегда малочисленно, а расстояния неохватны и требовали немалых транспортных расходов, производство и продажа водки частенько не окупались и разорившиеся заводчики были вынуждены отдавать за долги свои заведения в казну.

Чтобы получить винный откуп, требовался начальный капитал, и сибирские купцы сколачивали его, перепродавая меха. Вероятно, это и было источником первоначального накопления для Голикова, а вслед за ним и для Шелихова.

Сам откупщик, конечно же, за торговлей в кабаках не

следил, а нанимал приказчика, тот объезжал всю территорию, взятую в откуп, собирал деньги, делал отчисление в казну и составлял ежегодный отчет. Вот на эту должность коронный поверенный Голиков и нанял молодого, энергичного рыльского мещанина Шелихова, который исполнял ее вплоть до 1781 года. Кстати, уже после смерти Григория Ивановича его двоюродный брат Иван Петрович взял откуп на питейные сборы в Якутске, Якутском уезде и на побережье Охотского моря.

Голиков составил для приказчика инструкцию, где описал маршрут, по которому Григорий Шелихов должен был объезжать кабаки Иркутского края: из Иркутска – в Качуг, оттуда по Лене сплав до Якутска, затем в Охотск и снова в Иркутск. Задача Шелихова не исчерпывалась сбором денег; поскольку было решено снаряжать корабли в Америку, в инструкции Шелихову предписывалось еще и набирать людей для будущей промысловой экспедиции.

Морские вояжи купцов-авантюристов

Продажа мехов, водки, снаряжение кораблей – какая разнообразная, нескудная и полная риска жизнь началась у Шелихова в Сибири! Но что за купец без риска? Недаром один из героев Эмиля Золя признавался: «Спекуляция – самая соблазнительная сторона существования, это вечное стремление, заставляющее бороться и жить... Без спекуляции не бы-

ло бы дел, мой милый друг... С какой стати я буду выкладывать деньги, рисковать своим состоянием, если мне не пообещают необыкновенных доходов, внезапного счастья, которое вознесет меня на небеса?.. Спекуляция губит только неумелых».

Шелихов к числу неумелых себя не относил. Опыт совместного предприятия с Голиковым у него уже был, и опыт успешный. В 1777 году они построили в складчину на Камчатке судно «Святой Андрей Первозванный» и отправили к Алеутским островам. Там охотники загрузили судно мехами, но на обратном пути попали в шторм и потерпели крушение. Однако расторопные промысловики сумели спасти ценное имущество, и компаньоны продали его за 133 450 рублей. «Этот богатый в то время груз, – писал К. Т. Хлебников, – вознаградил компаньонов за все убытки и сверх того доставил хорошие выгоды».

Вырученные от продажи мехов средства вложили в следующую экспедицию: в 1779 году, снова в компании с Голиковым, Шелихов отправил судно «Святой Иоанн Предтеча» из Петропавловской гавани на Алеутские острова. Через шесть лет в Охотск привезли одних шкур каланов более тысячи штук! Стоит заметить, что все предыдущие экспедиции, снаряженные при участии Шелихова, ходили недалеко от Камчатки и по уже известным маршрутам. Зато следующая экспедиция вошла в историю географических открытий.

В 1781 году Шелихов и П. С. Лебедев-Ласточкин отправили судно «Святой Георгий» под командой морехода Герасима Прибылова к Алеутским островам. Взяв курс на север, Прибылов открыл группу ранее неизвестных островов, где в изобилии водились каланы. Самый крупный остров он назвал именем Святого Георгия, другой – Святого Павла. Хлебников видел письмо Шелихова, где тот перечислял груз, привезенный Прибыловым после двух лет экспедиции: две тысячи шкур каланов, 40 тысяч морских котиков, шесть тысяч голубых песцов, а также немало моржового клыка и китового уса.

За 20 лет – с 1777 по 1797 год – из Охотского моря в Тихий океан было послано 36 судов и в снаряжении четырнадцати из них участвовал Шелихов. Но со временем становилось всё более очевидно: отправка кораблей отнимает слишком много сил и средств. Не выгоднее ли основать на американском берегу постоянное селение, где будут жить промысловики и приказчики, наладить торговлю с местными охотниками? Промысловики и раньше вели меновую торговлю с алеутами – недаром туземцы из своих байдарок приветствовали Креницына и Левашова возгласом «Здорова!». Но мореходы пробыли на островах недолго, не успев ни завести постоянную торговлю с алеутами, ни тем более принять их в русское подданство.

Единственной компанией, которая имела «оседлость» в Америке, было торговое предприятие купца Лебедева-Ла-

сточкина. Решил основать там поселение и Шелихов. Однако его планы были куда масштабнее – он не собирался ограничиваться добычей пушнины и торговлей, а намеревался отправиться «для поисков неизвестных островов и земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталами из усердия ко отечеству» принять в российское подданство, а западное побережье Америки сделать владениями империи. Так интересы рыльского купца Шелихова совпали с движением России на восток, начавшимся задолго до XVIII столетия. Впрочем, в то время не один Шелихов связывал большие надежды с заморскими владениями.

Колонии и метрополии

Назначение колоний – служить метрополии. Так думали греки еще за восемь столетий до Рождества Христова, когда колонизировали побережья Средиземного и Черного морей, полагая, что освоенные ими земли должны приумножить богатство, престиж и славу их родных городов. Со временем этот взгляд изменился, и в XVIII столетии уже никто не скрывал, что колонии нужны не для обогащения государства и даже не для роста доходов торговых компаний, а для прибыли отдельных – весьма немногочисленных – семейств. Отец-основатель США Томас Джефферсон говорил об этом предельно откровенно: «Виргинские плантации бы-

ли разнообразностью собственности, привязанной к определенным торговым домам Лондона».

Британия стремительно расширяла свои владения в Северной Америке – в 1763 году она получила от Франции Канаду, от Испании – Флориду; и чтобы освоить эти земли, с 1717 по 1779 год в Северную Америку было отправлено 50 тысяч каторжников. Возникла даже своеобразная специализация в их распределении; так, в Джорджию обычно везли осужденных за долги. Вспомним, как Чарлз Диккенс, искавший сюжеты для романов в реальных судебных делах, не раз отправлял в американские колонии своих «героев-злодеев», например Урию Хипа из «Дэвида Копперфилда» и Абеля Мэгвича из «Больших надежд».

Ехали в колонии не только осужденные, но и заключившие контракт – «завербованные»: англичане, ирландцы, шотландцы, немцы, которые в течение нескольких лет были вынуждены отрабатывать стоимость билета в роли слуг. Хозяева их кормили, одевали, а плата за работу поступала капитану судна.

Что же касается местного населения, то его судьба европейцев интересовала мало: гибель туземцев при захвате территорий и высокая смертность от завезенных из Европы болезней рассматривались как сопутствующие потери. Историки определили: за период конкисты (испанской колонизации Америки) – с конца XV до конца XVI века – коренное население Мексики уменьшилось с двадцати пяти до одного

миллиона человек. Наглядным доказательством его резкого сокращения может быть такая подробность: если в начале конкисты монахи-францисканцы из-за большого числа прихожан служили мессы на ступенях храмов, то через сотню лет – уже внутри церквей, а в некоторых местах и в небольших часовнях.

Для восполнения убыли населения колонизаторы в середине XVI века начали ввозить из Африки чернокожих рабов – за четыре столетия торговли «черным деревом» в Америку было доставлено 15–20 миллионов человек, не считая тех, что погибли в пути или пошли на дно вместе с кораблями. На новом месте африканцев ждали тяжелый труд и жестокие наказания за любую провинность. Тем не менее британцы считали свое отношение к чернокожим образцовым; в 1763 году один англиканский священник так и сказал своей пастве: «Я лишь воздаю вам должное, свидетельствуя, что нигде на свете с рабами не обходятся лучше».

Впрочем, в эпоху Просвещения некоторые философы и писатели начали было осуждать рабство, невольничий труд и высказывать весьма критическое отношение к политике своих правительств в колониях. Однако материальная выгода диктовала иное отношение и к колониям, и к колонистам, и к туземцам.

Основание компании

За 60 лет – с 1743-го по 1804-й – из Охотска и с Камчатки отправилось за океан 65 промысловых экспедиций. Добытые ими на островах и в Америке товары были проданы (с учетом уплаченных пошлин) более чем на шесть миллионов рублей. Большая часть мехов уходила из Иркутска в Кяхту – там китайцы особенно хорошо платили за хвосты каланов; меньшая продавалась на внутреннем рынке России. С середины 1760-х годов организовывались как частные, так и казенные экспедиции в Тихий океан. Екатерина II всячески поощряла инициативу купцов – им была дана привилегия не платить десятину в казну. В 1762 году отменили казенные и частные монополии, в том числе государственную монополию на продажу пушнины за границу. Был снят запрет на вексельные переводы из европейской части России в Сибирь, стали открываться банковские конторы для кредитно-вексельных операций: в 1772 году – в Тобольске, в 1779-м – в Иркутске. Отмена государственных монополий и начало кредитных операций в Сибири открывали дорогу для купеческой инициативы, векселя позволяли вести коммерческие операции при отсутствии наличных денег.

Вопрос о ясаке – меховой подати с туземцев, которые жили на присоединенных к России землях, – долгое время никак не решался. Наконец, в 1770 году был издан указ, за-

прещавший промышленным и казакам собирать ясак по собственной инициативе, без соответствующего поручения властей, а в 1779 году Екатерина II и вовсе запретила брать ясак с алеутов и других туземных народов Америки.

В 1781 году Голиков вызвал Шелихова в Петербург. Там они втроем – вместе с племянником Голикова Михаилом, капитаном 2-го Оренбургского драгунского полка, – составили соглашение о создании компании. Иван Голиков вкладывал 35 тысяч рублей, Михаил Голиков – 20 тысяч, Шелихов – 15 тысяч. Общий капитал компании, таким образом, составил 70 тысяч. Все деньги поделили на 120 долей, каждая стоимостью 583 рубля 33 копейки. По сути это были уже не паи, но акции закрытого акционерного общества. При этом в компании сохранялись и прежние паи или доли в промысле, что неизбежно создавало трудности и споры при распределении доходов между компаньонами.

Отличие компании Голиковых – Шелихова от иных складчин состояло в том, что она создавалась не на одно-два плавания, а на десять лет. И промысел предполагалось вести не только на уже известной земле – «аляксинской (так. – *Н. П.*), называемой американской», – но и на тех, которые будут открыты: «знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла, и всяких поисков, и заведения добровольного торго с туземцами». Эти территории предстояло закрепить за Россией.

Шелихов выступал в этом соглашении уже не как при-

казчик Голикова, но как вполне равноправный партнер. Его участие в компании отличалось от вклада двух других компаньонов: он обязывался не только вложить свои средства, но и руководить постройкой судов и на одном из них отправиться в плавание. За это он должен был получить сверх причитавшихся ему паев еще треть доли компаньонов.

Подобные купеческие компании не были редкостью в мире торговли – еще во времена Древнего Рима купцы объединялись для вояжей по Средиземному морю. В Средневековье подобные объединения называли «морское товарищество» или «истинное товарищество» (современное право именует их «товарищество на вере»): одни их участники только финансировали предприятие, оставаясь на берегу, другие – и финансировали, и ходили в плавание.

В отличие от морских товариществ компании создавались как семейные объединения. Сам термин «компания» происходит от латинских слов *com* («вместе») и *panis* («хлеб»), то есть участники компании и хлеб вместе ели, и работали, и делили между собой прибыль и убытки. К такому типу компаний можно отнести и союз Голиковых и Шелихова.

Шелихов полагал, что семейные узы самые крепкие, и постепенно приспособил к промысловому делу своих самых расторопных родственников. Его первыми помощниками стали супруга Наталья Алексеевна и родной брат Василий, двоюродные братья Иван Петрович, Семен Андреевич и Сидор Андреевич, зятя – купец М. М. Булдаков и

обер-секретарь Правительствующего сената Н. П. Резанов, – а также племянник Голикова Алексей Евсеевич Полевой.

Со временем такие союзы разрастались, начинали принимать в свои ряды чужаков, а после смерти основателей становились открытыми акционерными обществами: их акции не только передавались по наследству, но и продавались на бирже всем желающим. Примером выросшего таким образом акционерного общества является Российско-американская компания.

Для государства такие общества были очень привлекательны, особенно если они вели свои дела за морями. Во-первых, компании платили в казну большие отчисления; во-вторых, они на свой страх и риск финансировали экспедиции, разведывали морские пути и открывали новые земли. Когда число компаний на рынке возрастало, между ними возникала конкуренция и каждая хотела заручиться поддержкой государства в виде предоставления ей монополии на торговлю определенным товаром на определенной территории. В первой половине XVIII века вошла в моду теория свободной торговли и на привилегии отдельных компаний стали смотреть косо – в первую очередь те, кто не смог эти привилегии получить. Екатерина II хотела показать себя горячей сторонницей этой модной теории и противницей всяческих монополий.

«Морских Северного океана вожиров компаньон»

Когда-то, еще до наступления ледникового периода, Евразия и Северная Америка не были разделены проливом, а составляли единое целое, и ныне исчезнувшие мамонты, пещерные медведи и саблезубые тигры запросто переходили по соединявшему материки перешейку, как по мосту. После великого оледенения перешеек опустился под воду, мост исчез, но о его существовании свидетельствуют и расположение горных хребтов, оказавшихся на дне океана, и сходство животного и растительного мира двух материков, и оставшиеся – как две опоры на концах моста – Аляска и Чукотка.

Как будто желая сохранить это единство, природа связала два побережья многочисленными островами, да и сами материковые берега отодвинула недалеко друг от друга: между крайней точкой Азии на востоке, мысом Дежнева, и западной точкой Америки, мысом Принца Уэльского, чуть более 85 километров. Доподлинно известно, что охотники из Сибири добирались по льду Берингова пролива до Америки, с привалом на отдых и ночлег на острове Святого Лаврентия, всего за два дня.

В первой половине XVIII века на небольших дощаниках, построенных из сырого леса, или шитиках, сшитых китовым усом, русские мореходы шли от Охотска до Алеутских

островов 70–80 дней, обязательно делая по пути остановки, и зимовали на островах, чаще всего на Уналашке. По проложенным ими маршрутам собирался идти и Шелихов. В 1783 году в Охотске, на верфи в устье реки Урак, под его руководством построили галиоты: «Три святителя», «Святые Симеон и Анна» и «Святой Михаил». Галиот был прочнее и надежнее, чем шитик, имел две мачты, был вооружен пушками и вмещал солидный груз. Конечно, в сильный шторм у такого судна было мало шансов уцелеть, но оно имело свои преимущества: неглубокая осадка позволяла легко пройти мелководье, что при швартовке в малознакомых бухтах и гаванях очень важно.

К концу лета все приготовления были закончены, и 16 августа суда вышли по Ураку прямо в Охотское море. Первым галиотом управлял штурман Герасим Измайлов, моряк с богатым опытом. Еще штурманским учеником он принимал участие в экспедициях Ивана (Иоганна) Борисовича Синдта, Креницына и Левашова, побывал в северной части Берингова моря, обходил берега Аляски, заходил на Алеутские острова, учился картографированию и мореходному искусству. В 1771 году он вместе с другими штурманскими учениками Дмитрием Бочаровым и Филиппом Зябликовым находился на Камчатке, в Большерецке, когда ссыльный Бенёвский поднял там мятеж. Смутьяны убили коменданта крепости, разграбили казенные припасы, погрузили их на судно вместе с захваченными людьми и вышли в море.

Планы у Бенёвского были обширные: бежать в Европу, добраться до Франции и просить французское подданство. Но его намерения разделяли далеко не все – штурманские ученики вместе с одним камчадалом попытались отвести судно обратно на Камчатку. Однако их попытка не удалась, и борец за свободу Бенёвский приказал жестоко высечь Измайлова и камчадала для острастки остальных, а потом высадить на необитаемый остров. Так Герасим Григорьевич оказался на пустынном и голом, продуваемом холодными ветрами Симушире, куда и промысловики заходили не каждый сезон. Он прожил там год, питаясь ракушками, морской капустой и кореньями, пока проходивший мимо корабль не доставил его на Камчатку. Штурмана долго допрашивали в Иркутске и наконец признали невиновным.

Судьба его товарищей, оставшихся на судне, сложилась по-разному: Зябликов умер по пути, в Макао, а Бочаров после прибытия во Францию вместе с другими отказавшимися просить убежище добрался до русского консула в Париже и получил помилование от государыни. «Видно, что русак любит свою Русь, – писала тронутая их историей Екатерина II, – а надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна».

После долгой разлуки Измайлов и Бочаров встретились в Иркутске и поведали друг другу о своих злоключениях. В последующие годы Измайлов нанимался на купеческие суда, по распоряжению генерал-майора Матвея (Магнуса) Бема

проводил топографические съемки и составлял карту Камчатки, затем получил в командование судно «Святой Павел», на котором ходил к Алеутским островам.

В 1778 году на острове Уналашка Измайлов встретился с экспедицией Джеймса Кука, по заданию Адмиралтейства искавшей «северный проход из Тихого океана в Атлантический». Однако для английских моряков Чукотское море оказалось непреодолимым. Они повернули на юг и остановились для отдыха на Уналашке, где и познакомились с Измайловым. «Это был молодой человек, изящный и стройный, с белокурыми волосами... Своими манерами и поведением он резко отличался от своих спутников» – так описывали штурмана английские офицеры. Кук показал Измайлову свои карты, и тот сразу увидел на них ошибки: неверные координаты и несуществующие острова. По просьбе Кука он привозил на английский корабль русские карты. «Я убедился, – вспоминал Кук, – что он отлично знает географию этих мест и все открытия, совершенные русскими». Еще бы Измайлову не знать об этих открытиях, если о них было известно даже Куку! Это, впрочем, не помешало англичанину заново открывать уже открытое и давать свои названия.

Неудивительно, что Шелихов нанял Измайлова на «Три святителя», на котором сам отправился в плавание. С собой он взял супругу Наталью Алексеевну, которая, как отмечено в его записках, «езде за мной следовала и все трудности терпеть не отрекалась». Второй галиот вел Дмитрий Боча-

ров. Третьим судном управлял подштурман Олесов, выпускник Охотской навигацкой школы. Помимо экипажа, в экспедиции участвовали и промысловики – всего 192 человека.

Охотское море известно осенними штормами и противными ветрами для плывущих на восток. Губительными оказывались и встречные течения у островов, рвущие корабли с якорей и так громко шумящие, что о помощи кричать – не докричаться. Шелихов, много слышавший обо всех этих напастях от Измайлова и Бочарова, на случай, если море разлучит суда, назначил местом встречи остров Беринга. Во время плавания так и произошло: неопытный Олесов не справился с управлением, и «Святой Михаил» надолго потерялся из вида. Позже выяснилось, что он зазимовал сначала на Курилах, затем на Уналашке, долго ремонтировался и прибыл к берегам Америки, когда Шелихов уже отправлялся обратно! Олесов добирался до Кадьяка 999 дней, поставив таким образом своеобразный рекорд.

На пятый день увидели Шумшу – самый северный из Курильских островов. Рядом с ним мореходы обычно останавливались, но Измайлову сильный ветер не позволил бросить якорь двое суток. Наконец, сошли на берег, пополнили запасы пресной воды и отправились дальше. Начавшийся вскоре шторм разбросал суда. «Буря сия, – вспоминал Шелихов, – столь была велика, что мы лишились было и надежды в спасении своей жизни». Лишь спустя три недели «Три святителя» и «Святые Симеон и Анна» встретились, а 24 сентября

благополучно пристали к острову, на котором командор Витус Беринг зимовал и здесь же обрел последнее пристанище.

Остров был необитаем, никаких строений со времен Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) там не сохранилось, и люди, посланные Шелиховым на байдарках, ничего примечательного не нашли. А когда-то Беринг увидел на берегу и в океане немало пушного зверя. После его открытия все промысловые экспедиции непременно приплывали в этот район и всегда возвращались с добычей, а потому через 40 лет безудержной погони за прибылью вся живность там была истреблена.

В своем сочинении «Путешествие по Восточному океану к американским берегам» Шелихов мало что рассказал об их первой зимовке, но она, без сомнения, была непростой. Обычно промысловики на месте зимовки рубили избу и баню, но на этом острове лес не рос, и пришлось собирать по берегу плавник – выброшенные океаном деревья. Из плавника соорудили полуземлянки на манер камчадалских и в них провели зиму засыпаемые снегом и продуваемые ветрами.

Сухари, муку и крупы расходовали экономно, сразу перешли на то, что давала природа. Шелихов вспоминал: «Пища, какую на сем острове употреблять можно, состоит из морской рыбы, коей много разных родов, также из мяса морских зверей, как то: сивучей, котов и нерп, из птиц находятся: гуси, утки, лебеди, урилы, чайки, ары, куропатки...» Чтобы накормить экипажи двух кораблей и промысловиков – полторы

сотни людей, – продуктов требовалось немало, и в котел шли уже не только куропатки, гуси и утки, но даже чайки, урилы (бакланы) и ары (кайры). Если удавалось добыть тюленя, его мяса и жира хватало надолго.

Сидение в полутемной землянке и скудная, однообразная, лишенная витаминов пища, казалось, должны были неминуемо привести к повальному распространению цинги. Однако Шелихов сумел избежать этой напасти – из его команды умерли двое, да и тех, считал он, можно было спасти, если бы лекарь постарался. Шелихов заставлял всех выкапывать съедобные корни – «кутаргарное и сарану»⁴, – сушить, толочь, подмешивать жир и есть, как кашу. Этим и спасались. И еще постоянным движением – тоже благодаря Шелихову: «Для этого во время метели ходили возле моря, а в ясные дни по горам на лыжах на дальние расстояния».

Наконец, когда течение отнесло большие льды в океан, 16 июня 1784 года продолжили плавание. Прошло четыре дня, и, в тумане потеряв из виду второе судно, Шелихов пристал к острову Медному, также открытому командором Берингом, – там всегда останавливались промысловики и мореходы. Зиму 1748/49 года здесь провел устюжский купец Афанасий Бахов со своей командой, а спустя четверть века зимовал штурман Потап Зайков, который описал Медный во

⁴ Кутаргарник (дудник коленчатосогнутый) – травянистое растение, обладающее болеутоляющим и противовоспалительным эффектом. Саранка (лилия кудреватая) используется для лечения порезов и ожогов, а ее богатые белком луковицы употребляют в пищу.

всех подробностях. Взяв воду и пополнив съестные припасы мясом морских котиков, 23 июня продолжили плавание.

В первых числах июля подошли к Ближним Алеутским островам. На первый из них, Атту, мореход Андреян Толстых когда-то выпустил привезенное им с острова Беринга семейство голубых песцов. Позже, уже став купцом, он вновь приходил на эти острова на собственном судне «Андреян и Наталья». Сегодня эту группу из семи островов называют Андреяновскими. 12 июля наконец встретились со вторым кораблем и на следующий день подошли к Уналашке.

Этот остров был перекрестком всех тихоокеанских путей, туда заходили пополнить припасы, набрать свежей воды, узнать новости и оставить сообщения. Шелихов передал распоряжения для своего третьего судна, но ждать его не стал, торопясь к Кадьяку – оговоренному месту встречи. После десяти дней отдыха, в начале августа, вышли в море. С острова он увез двоих толмачей и нескольких алеутов, «кои добровольно согласились служить». Свой путь на Кадьяк он описал так: «Проходили с северной на полуденную сторону гряды Лисьих островов проливом между островами Унимак и Акун. Сей пролив ничего судовому ходу препятствующего не имеет, потому что чист и просторен, только во время прилива и отлива быстрота в нем наисильнейшая».

Сразу за островами изгибалась узкая и длинная – в 800 километров – полоса суши, похожая очертаниями на хвост калана. Первыми ее нанесли на карту Степан Глотов

и Савин Пономарев, назвав островом Алахшахом; вслед за ними описали Петр Креницын и Михаил Левашов, окрестив Аляской. То, что Аляска не остров, а полуостров, открыл Джеймс Кук, однако и он ошибся – соединил ее с островами Кадьяком, Шуяком и Мармотом, не заметив между ними пролива, который был давно известен русским мореходам. Этим-то проливом и шли галиоты Шелихова. Задолго до его экспедиции Ломоносов провидчески предрекал:

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.

Остров Кадьяк

Третьего августа 1784 года проливом, который назовут его именем, Шелихов подходил к самому большому из островов, лежащих под брюхом матерой земли Америки. На русских картах он именовался Кихтаком, а местные называли его Кадьяком – Большим островом. Промысловики и моряки, не занятые на вахте, высыпали на палубу и приникли к бортам. Впереди по курсу лежал приметный мыс с двумя горбами, за ним виднелись скалистые берега с нависшими безлесны-

ми утесами, вдалеке – заснеженные вершины гор. Мрачно и сурово взирала на пришельцев незнакомая и, казалось, безлюдная, словно застывшая в немом молчании земля. Далеко на западе и востоке, в Европе и Азии возникали и исчезали империи, сменялись династии, всходили на престол и погибали на эшафотах правители, художники создавали шедевры, ученые совершали открытия, а здесь, на краю света, время будто остановилось. Безмолвно нес Великий океан свои воды и как сотни и тысячи лет назад лениво слизывал длинным языком набежавшей волны прибрежную гальку и равнодушно тащил ее за собой. Все невольно притихли и замолчали перед грозным величием этого вечного покоя. И супруги Шелиховы молчали, гадая, что ждет их на новой земле.

На якорь встали в гавани, которую Шелихов назвал Трехсвятительской – по имени своего галиота. На следующий же день он отправил людей на двух сдвоенных байдарках искать жителей острова. То, что он обитаем, было уже известно, как и упорное нежелание конягов – так называли островитян, кадьякских алеутов – торговать с кем бы то ни было. О своем плавании и жизни на островах Кадьяк и Афогнак Шелихов, вернувшись в Иркутск, написал в 1787 году своеобразный отчет, назвав его «Записка Шелихова странствованию его в Восточном море». Написана она от первого лица, простым разговорным языком на основе путевого журнала⁵. Он подробно рассказал о злоключениях промысловиков,

⁵ Позже эта записка была дополнена описанием плавания Измайлова и Боча-

пытавшихся зимовать на острове задолго до него – в 1761, 1776, 1780 и 1785 годах. Выжившие предупреждали Шелихова о «кровожаждущих и непримиримых» туземцах; но он любил побеждать там, где отступили другие: «Я мало уважал всё сие и пренебрегал все опасности, дабы достичь цели, намерений общества и моих собственных». Хлебников в своих записках осторожно заметил, что враждебное отношение аборигенов Кадьяка к чужакам объяснялось неоднократными нападениями на них и племен Кенайского полуострова, и индейцев-тлинкитов, и «белых людей».

Способов наладить взаимоотношения было два: кнут и пряник. Шелихов использовал оба – одаривая пряниками, держал наготове кнут и при необходимости не гнушался его применять.

Первая встреча с туземцами и предложение Шелихова принять его подарки закончились плачевно: забравшись на утес, жители Кадьяка обстреляли из луков байдары с пришельцами. Шелихов уверял, что конягов было «превеликое множество, по крайней мере до 4000 человек». Эта цифра вызывает сомнение у исследователей; однако заметим, что сомнения вызовут любые цифры, ведь туземцев на острове никто не считал, а значит, ни подтвердить, ни опровергнуть приведенные Шелиховым данные не представляется возможным. Многие мореходы, проплывая у берегов от-

крытых ими земель, определяли на глазок и размеры островов, и численность населения. Так, Джеймс Кук на острове Пасхи увидел от шести до семи тысяч аборигенов, Жан Франсуа Лаперуз – всего две тысячи, Юрий Лисянский – около полутора тысяч человек; остается только догадываться, сколько их было на самом деле.

Можно сравнить названное Шелиховым число туземцев с итогами переписи, проведенной на Кадьяке в 1792 году Александром Барановым: «мужеска и женска пола» оказалось 5696 человек, что вполне согласуется с данными Шелихова. Правда, в своей «Записке» последний уверял, что привел в подданство «ея величеству обоего пола с лишним 50 000 душ». Сравнение с данными переписи дало повод недоброжелателям и откровенным врагам Шелихова обвинить его компанию в истреблении местного населения – получалось, что всего за шесть лет оно сократилось почти в десять раз. Напомним: когда Шелихов составлял «Записку», он уже знал, что будет подавать ее губернатору, затем она уйдет в Сенат и, возможно, ее прочтут самой государыне, так что его стремление преувеличить число новых подданных империи вполне объяснимо.

Моряки военных кораблей разговаривали с промысловиками, прибывшими на остров вместе с Шелиховым, и те утверждали, что против них вышли не четыре тысячи, а от силы 300–350 человек. Как бы то ни было, туземцев на Кадьяке было намного больше, чем прибывших на двух галио-

тах, и потому Шелихов принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Нападения продолжились и в следующие дни. А 12 августа, в полночь, коняги навалились толпой и едва не перебили всех. «Очевидная смерть придала нам бодрости, и мы с оною, защищаясь нашими ружьями, насилу смогли обратить их в бегство». Случаи, когда туземцы, вооруженные луками и стрелами, уничтожали белых с огнестрельным оружием, были отнюдь не редки, так что в рассказе об этой победе следует усмотреть не похвальбу, а свидетельство геройства защитников, предусмотрительности Шелихова и его организаторских способностей.

С восходом солнца коняги ушли, унося своих убитых и раненых. В лагерь Шелихова явился перебежчик – бывший в плену у конягов алеут с Лисьих островов. Он рассказал, что к утесу, с которого были обстреляны лодки Шелихова, скоро подойдет подкрепление, и тогда туземцы снова попытаются атаковать, чтобы захватить пленных, – так они поступают со всеми пришельцами.

Шелихов был наслышан о судьбе русских мореходов, попавших в плен, не хотел такой участи ни для себя, ни для жены, ни для своих людей и потому действовал по принципу «на войне как на войне»: «Приметя вскоре сию угрожаемую от люто́сти диких опасность, мы решили предупредить предприятие оных» – зарядили мортиры и обстреляли укрепление на утесе. «Сколько бы я ни избегал пролития крови, – признавался Шелихов, – нельзя однако ж думать, чтобы не

было при сем несколько из них убито». Вскоре укрепление сдалось, а все, кто там находился, были взяты в плен. Большую часть пленных он отпустил, а остальных поселил в 15 верстах от гавани: выбрал из них «хаскака» (начальника), снабдил байдарами, сетями и всем нужным для жизни. Чтобы избежать дальнейших покушений, Шелихов взял 20 детей в заложники-аманаты – так поступали в Америке и «белые», и туземцы.

Это было не последнее столкновение. Коняги нападали на лагерь ночью, в дождливую и ветреную погоду, пытались пронзить байдары копьями – «иные байдары имели до ста сквозных пробоин». Но Шелихов был не из тех, кто отступал, тем паче когда его вынуждали отступить. Он настойчиво и упорно держался за эту каменистую неприветливую землю и требовал такого же терпения от других. Пусть он родился не в Сибири, но приобрел узнаваемые черты знаменитого сибирского характера – несговорчивость и упрямство.

В гости, как на сражение

Как выглядели эти «немирные» аборигены? «Коняги – люди рослые, здоровые, дородные, больше круглолицы, но есть имеющие и продолговатые лица; смуглые, волосы черные, а редко темно-русые, которые мужеский и женский пол стригут в кружок. Жены знатных мужей отличают себя от прочих тем, что, зачесывая несколько волосов наперед, под-

стригают до бровей и имеют косы; у иных бороды, а у некоторых грудь и плечи вместо косынок шитые» – так описывал конягов Шелихов. «Шитые» – татуированные; подобный способ украшать тело был распространен у многих народов Америки. Кроме татуировок и женщины, и мужчины использовали, как сказали бы сегодня, пирсинг: «средний хрящ в носу прокалывают», чтобы вставить туда кость; прокалывали также уши, нижнюю губу и через проколы продевали нанизанный мелкий и крупный бисер, «почитая то за самую лучшую вещь и украшение».

Описал он и костюмы туземцев: нижних рубах у них нет, ходят босиком, а дома и вовсе нагишом, с небольшим передником из шкуры или травы, в холод носят парки, которые делают из меха бобров, выдр, лис, медведей, соболей, зайцев, оленей и росомах, еврашек (сусликов) и тарбаганов (сурков), а также оперения птиц. Из кишок сивучей, нерп, моржей и китов шьют длинные рубахи с капюшонами – камлеи. На головах носят шляпы из травы и веток и «деревянные шапки».

Но если одежду и украшения туземцев при первой встрече никто разглядеть не мог, то силу их оружия и умение его применять люди Шелихова сразу почувствовали на себе: «Для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи железные и костяные...» Раны, нанесенные меткими конягами, бывали болезненны и долго не заживали; английские моряки расска-

зывали, что видели на телах русских шрамы от индейских стрел.

Жили коняги в землянках, стены внутри обивали досками, окна затягивали кишками и пузырями животных, а вход делали ниже пола – «с исподи», как писал Шелихов. Печей в этих домах он не увидел – «довольно они теплы и без того». Но зато огнедышащие каменки стояли в банях, в которых «париться они отменные охотники» – с березовыми венниками и травами.

Шелихов признавался: ни свадеб, ни наречения новорожденных, ни похорон «сам не видел, и потому ничего об них и сказать не могу». Впрочем, кое-какие обряды он описал. Некоторых умерших закапывали в байдарке, вместе с ними погребали живых рабов, по большей части пленников. Жители полуострова Кенай, напротив, своих покойников сжигали, завернув в звериные шкуры. Родственники почивших в знак скорби остригали свои волосы, лица мазали черной краской, но законом это не было: «Если умерший кому неприятен или вовсе не имел с ним дружества, хотя бы и родственник был, те по таковом траура на себя не налагают». Многоженство у них не было в обычае, зато процветало многомужество: «Хорошие и проворные женщины держат по два и по три мужа, и в том никакой ревности между мужьями нет, но еще живут дружески».

Судя по некоторым замечаниям Шелихова, он через толмачей хотел узнать, во что туземцы веруют, но выяснил

немного: «Говорят, что в мире есть два существа или два духа, один добрый и другой худой... доброе выучило делать байдары, а худое оныя изломать». Он и сам пытался проповедовать: «Сделал я опыт рассказать им сколько можно простее о христианском законе, а как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем... словом, до выезду еще моего сделал я христианами из них сорок человек, кои крещены были с такими обрядами, кои позволяются без священника».

Эпидемии среди туземцев не распространялись – по утверждению Шелихова, они все поголовно здоровы и «живут до ста лет». Единственная ведомая им болезнь – «любо-страстная», которую к ним завезли мореплаватели. Англичане пытались бороться с этой напастью и даже запрещали больным членам экипажа сходить на берег, но запреты не действовали. Конечно, венерические болезни завозили не только английские корабли; однако англичане обратили внимание, что русские не вступают в связь с местными женщинами, объясняя это тем, что туземки – «нехристи». Правда, наблюдения англичан плохо согласуются с реальностью – достаточно вспомнить разношерстную публику промысловых партий и большое число белокурых и голубоглазых детей на островах и Аляске.

Шелихов в своих наставлениях не оставил без внимания этот важный вопрос. Мораль он никому не читал, но советовал, чтобы предотвратить распространение «любо-страст-

ных» болезней, «неженатым, кто хочет, женитца... а жена-тым Бог, а не мы будем судьи, природная слабость никто не может отворотить чрез долгое время живши».

Обычай гостеприимства конягов Шелихов описал подробно: «Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красной краской, и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные свои орудия». Гости тоже являлись в соответствующем виде – «как на сражение». Как только байдары приближались к берегу, хозяева бросались в воду, выносили их вместе с байдарками на сушу, затем всех прибывших по отдельности на спине несли к месту трапезы, рассаживали; все молчали, пока не наедятся и не напьются. В деревянных или костяных мисках подавали угощение: толкуши – толченые ягоды с тюленьим, китовым или сивучьим жиром; перемешанные с кореньями бруснику, клюкву, чернику, княженику. Приносили сушеную рыбу – юколу, мясо зверей или птиц. Всё это туземцы ели без соли и хлеба, которых не знали. Первым пробовал кушанье и питье хозяин, затем передавал миску гостю, из чего Шелихов сделал вывод: «Посему надобно думать, что они иногда мешают и отравы». Далее миска пускалась по кругу; недоеденное увозили с собой.

После «застолья» (ни столов, ни стульев, ни кроватей у конягов не было – сидели и спали на травяных подстилках и своих парках) начинались развлечения: танцы с бубнами, представление в масках; затем мужчины уединялись в кажи-

ме – общественном доме, где всю ночь беседовали и играли в разные игры, здесь же спали и ели.

Шелихов относился к конягам настороженно и недоверчиво: «От природы хитры, в обидах мстительны и предприимчивы»; хотя с виду «кажутся тихи», но «жизнь их есть разбойническая, кто чаще, больше и удачнее украсть успеет, тот чрез сие похвалу заслуживает». На его оценках не могли не отразиться частые и кровопролитные столкновения с конягами; но он и не претендовал на глубокое знание их натуры, в описании часто прибавлял «по короткой там моей бытности» и признавался, что не знает, держат ли коняги данное слово. Зато он верно подметил веселый и беспечный нрав туземцев, их неумение экономить и заготавливать припасы, то есть думать о дне завтрашнем, отчего они «часто голод и наготу терпеть принуждены». Но в то же время автор «Записки» не преминул подчеркнуть: если коняги брались за какое дело, даже не умея, то работали всегда с охотой, усердно.

Он пишет о байдарах как единственном в тех краях средстве передвижения. На собачьих упряжках жители не ездили, хотя собаки на острове были.

Общий итог его суждений неутешителен: «Жизнь свою ведут они скотски». Так обычно думали и писали о туземцах все «белые люди» и в XVIII, и в XIX столетиях, вне зависимости от страны, из которой они приезжали или приплывали. Представление, что язык, мифы, сказания, песни, пляски и традиции аборигенов можно назвать культурой, достой-

ной внимания и уважения, появится лишь в начале XX века. Конечно, были здесь и исключения. Святитель Иннокентий (Вениаминов), который десять лет прожил рядом с туземцами на Алеутских островах, не раз повторял: «Так называемые дикари гораздо лучше весьма многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении». Но способностью увидеть в туземцах людей, созданных по образу и подобию Божию, обладали далеко не все.

Фонарь Кулибина и волшебная бумажка

Увидев, что на жизнь их аманатов никто не покушается, что те не голодают, живут в построенных русскими избах, моются в банях, коняги, по свидетельству Шелихова, стали приводить в лагерь своих детей, «когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были». Он одаривал их и отпускал восвояси. Подарки, которыми он «приласкивал», стали средством расположить к себе туземцев.

Но для прекращения нападений одних подарков недостаточно. Чтобы убедить конягов в превосходстве огнестрельного оружия, Шелихов использовал наглядную агитацию: в большом камне просверлили дыру, насыпали в нее порох, положили туда ружейный замок и, дернув за привязанную к нему длинную веревку, произвели выстрел. Разлетевшийся на части камень был очень убедительным аргументом.

Шелихов был далеко не первым, кто демонстрировал пре-

имущество ружей перед стрелами. В 1721 году нидерландский мореплавател Якоб Роггевен обнаружил в Тихом океане неизвестный остров, который назвал островом Святой Пасхи. Высадившись на берег, он не встретил никакого сопротивления со стороны туземцев, но тем не менее приказал расстрелять безоружную толпу, собравшуюся посмотреть на корабль. Англичане называли это хорошим способом «запечатлеть в памяти островитян смертоносный эффект огнестрельного оружия».

Шелихов, демонстрируя технические и прочие блага цивилизации, не пытался выдавать их за «волшебство» и не стремился предстать в глазах туземцев «белым богом». Он показывал, как за неделю ставят избы: «Почитали они чудом скороспешное строение наших домов, потому что они над одной своей хижиной трудятся, отесывая доски заостренными железами, несколько лет». Ночью демонстрировал изобретенный механиком Иваном Кулибиным фонарь (в нем использовались вогнутые стекла) и объяснял принцип его действия конягам, которые вначале «думали, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причине оного».

Неменьшее изумление вызывало у туземцев собственное отражение в зеркале. Но более всего их поразила письменность. Шелихов отправлял иногда кадьякцев с записками к приказчикам, перед этим всегда рассказывая, что им предстоит сделать или принести. Так, однажды он послал челове-

ка за сушеным черносливом, а гонец на обратной дороге съел половину сухофруктов. Шелихов прочитал записку приказчика, где указывался вес чернослива, и призвал кадьяхца к ответу. Тот удивился и признался в краже: «Это подлинно, что сия бумажка остро на меня глядела, когда я их ел, но впредь я знаю, как от сего избавиться». Отправленный за новой посылкой и опять уличенный, тот был потрясен – ведь теперь, поедая чернослив, он зарыл бумажку в песок. Как же велико волшебство этих значков!

Шелихов старался возбудить у островитян стремление учиться и перенимать культурные привычки. Любопытно замечание английских офицеров: увидев, как туземцы раскланиваются с ними при встрече, снимая шляпы, они были уверены, что этому их научили русские. Да и сам капитан Кук, познакомившись с алеутами на Уналашке, был восхищен их честностью и миролюбием: «Склонен думать, что эти качества отнюдь не природные... обладают они ими благодаря общению с русскими».

Со временем усилия Шелихова начали приносить плоды; туземцы, перенявшие некоторые черты новой жизни, стали с насмешкой относиться к собратьям-невеждам. Пресекая ссоры между своими работниками, Шелихов не упускал случая показать и остальным аборигенам, что любой мир лучше войны: «Защищая же их людьми моими от набегов на них диких из других мест, дал им почувствовать, сколько приятно жить в покое, ибо после сего не отваживались их непри-

атели делать на них нападения».

На острове, где даже птицы поют тихо

До зимы постарались поставить дома и соорудить крепость, на первых порах «плетневую». Но и это далось «с великим трудом» – приходилось часть людей держать часовыми: пока одни строили, другие охраняли. Шелихов распорядился «караулы в гавани и по всем артелям наиосторожнейшие иметь», ружья чистить, а начальникам артелей еженедельно проверять их чистоту и исправность, кто не будет выполнять – штрафовать. Не умеющих стрелять – обучить, «а за непонятность и пренебрежение стыдить с отлучением из артели». Секрет огнестрельного оружия все должны были «накрепко» сохранять от туземцев.

Когда построили крепость, Шелихов завел правило не выходить из нее по одному и без оружия, и все последующие годы в Русской Америке его соблюдали неукоснительно. Тот, кто отступал от него, расплачивался жизнью.

Весной, едва прогрелась земля, начали копать огороды, посадили привезенные с собой семена, вспахали землю и посеяли хлеб. Шелихов отметил: «Есть хорошие и годные к хлебопашеству земли, в чем я и самыми опытами удостоверился, сеяв ячмень, просо, горох, бобы, тыкву, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень». Из всего перечисленного не уродились лишь просо, горох, бобы и тыква

– поздно посадили. Но опыты вскоре пришлось прекратить: случился неожиданный подъем воды, и море затопило грядки. Подобные агрономические опыты проводил и святитель Иннокентий на Уналашке и пришел к неутешительным выводам: в сыром климате при слишком коротком лете успевают вызревать разве что репа, редька, морковь и свекла, а у картофеля клубни мелкие.

Когда по осени собрали урожай, Шелихов велел накопить овощами конягов; по его словам, новая еда им очень понравилась – «крайнюю почувствовали охоту». Но, по многолетним наблюдениям мореплавателей и миссионеров, ни земледелие, ни скотоводство не увлекли местных жителей, а огородничество привилось гораздо южнее, в Калифорнии. Здешние же племена еще долго жили тем, что давали им море, река и лес.

Команда Шелихова так же, как и туземцы, ловила рыбу, била на льду сивучей, моржей, тюленей, запасала жир. Хлеба, конечно, не хватало, но выходили из положения разными способами. Джеймс Кук расхваливал кулинарные способности промысловиков на Уналашке: «Русские обладают искусством из посредственной снеди изготовить вкусные блюда. Мне очень понравилось приготовленное ими китовое мясо; недурной заменой хлеба служит им пудинг или пирог из лососяной икры, тщательно взбитой и обжаренной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.